

Конец Это К Началу.

КУРЕНАЙ.

Годы тренировок в качестве шиноби дисциплинируют тело, делая его действенным, результативным и мощным оружием, поэтому, как и у многих шиноби в Скрытом Листе, тело Куренай развило в себе собственный внутренний будильник, который всегда стоял на страже, чтобы разбудить её задолго до рассвета. С напряжёнными днями, когда приходится выполнять множество обязанностей, возложенных на шиноби, раннее утро или поздний вечер являются лучшим временем для шиноби для личных тренировок, и её устоявшийся сигнал оповещения решил не отличаться и этим утром. Тем не менее, Куренай медленно открывает для себя, насколько это утро далеко от нормального.

Куренай проснулась, и у неё раскалывалась голова. Её голова пульсировала так сильно, что с каждой болезненной пульсацией её зрение слегка затуманивалось. Прекрасная Куноичи жалобно простонала, поднося дрожащую руку к своему потному, пульсирующему виску. Её разум начал медленно давать оценку чувствам и ощущениям, которые она получала за счёт своих органов чувств. Она лежала на боку, а её копна волос покоилась на подушке, когда она крепко обнимала то, что казалось ей лучшей в мире подушкой для тела или же мешком, излучающим успокаивающее тепло.

Тепло хорошо сочеталось с восхитительной ломотой, беспорядочно циркулирующей по её тазу и нижней части позвоночника. Тепло между её ног вызывало сильнейшую дрожь, заставляя её разум сосредоточиться на удовольствии в нижней части тела, а не на тупой боли в пульсирующей голове. Было нетрудно сосредоточиться на бьющемся с упорством насыщенном покое, согревающем её от естества до позвоночника; такой тип остаточных болей можно испытать только после ночи многочисленных оргазмов. Когда она сжимала и растягивала подушку напротив своего тела, к её удивлению тёплая подушка начала поддерживать её, обнимая и сжимая в ответ её саму, что страшно ускорило её рациональное мышление и память.

Когда воспоминания о разврате прошлой ночи наводнили её разум, она почувствовала щекочущее дыхание и влажные губы на своей груди. Дальнейших подтверждений разрушительных последствий прошлой ночи не требовалось, но даже так, она перевела свой взгляд вниз, посмотрев на самое позорное доказательство своего морального падения. Она максимально переплелась с молодым белокурым генином. Узумаки обхватил её своими сильными руками, под её собственными руками, а её предательские ноги обвились вокруг его талии, идеально соединяя его узкий таз с её собственным. Мимолётная мысль о том, как хорошо блондин совместился с ней, была быстро задушена и отброшена в сторону, когда к её векам подкатили слёзы, переполняя их и скатываясь по бокам её головы.

“Я больше никогда не буду пить” – мысленно заявила она, удивляясь тому, как её злоключения смогли оказаться настолько удушающими, что она стала безрассудно цепляться за всё, будь то алкоголь или удовольствие, чтобы подавить свои печали.

Словно ничто кроме этого не могло стать настолько же унижительным, его таз дёрнулся, пока он продолжал спать, заставив её сжаться, что сообщило ей самым неловким образом о том, что его вялый пенис всё ещё внутри неё. Словно озаботившись мягкой головкой члена сразу за

входом в неё, её киска вжалась в его придаток, излишне подтверждая то, что она уже итак могла почувствовать. Его таз снова дёрнулся, но в этот раз она почувствовала, что внутри неё он неуклонно растёт.

Она попыталась отодвинуть блондина за плечи, однако тот инстинктивно сжал её тело ещё крепче, при этом его размеры стремительно увеличивались. Не спрашивая у неё разрешения, её тело стало теплее, чем должно было бы, так, словно её тело не осознавало, что аморальное удовольствие не должно делать ей приятно. Вместо этого она отчаянно схватилась за его голову и притянула его лицо к своим суровым красным глазам, крича: «Узумаки-кун! Проснись-Мнн» – несанкционированный стон прервал её призывы к дремлющему мальчику, который легонько подёргивался между её ног, массируя её внутренности.

Он толкал свой полу-эрегированный пенис всё глубже в её влажный любовный туннель, когда приятные ощущения настоящего и блаженная ломка оставшаяся от прошлой ночи стали накладываться друг на друга в её теле. Этот порыв разбудил его, и, хотя он и выглядел сонным, следующий его толчок оказался более уверенным, когда он зарылся на половину в её смазанный спермой, тугой мясистый туннель.

«У-Узумаки!» – звала она его, подавляя совокупное сочетание ночных удовольствий и текущего дурманящего блуждания. «Остановись ... сейчас же.»

«Мнн» – вопросительно пробормотал он, после чего окончательно пришёл в себя. «Да, опять!» – отозвался он, отстраняясь от неё.

«Нет ...» – начала было она, но тут он начал поднимать её сопротивляющуюся ногу, чтобы выйти. Она почти смутилась от желания собственного тела удержать его там, пока он не поднял её ногу выше, таким образом, что внутренняя часть её бедра оказалась прижатой к его груди. Одна нога смотрела в потолок, а другая простиралась между его ног, когда он идеально пристроился к ней, всё ещё лёжа на боку.

«Стой, Узумаки-кун, остановись» – кричала она, борясь с невообразимым физическим желанием продолжить. Всё стало запутанным, также, как и вся эта ситуация, когда он отозвался: «Почему? Ты же сказала, что это одна ...» – он толкнул таз вперёд, когда ему удалось поцеловать её матку, к её великому наслаждению. «Это» – отстранился он назад. «Одна» – всунул обратно. «Из» – высунул и всунул обратно. «Твоих любимых поз» – закончил он, когда каждое из его слов сопровождалось отстранением и последующим толчком для глубокого проникновения.

«Когда ... эт я сскаазала э» – удивлялся её размякший ум, когда она пыталась сдерживать свои сладострастные стоны. В данной позиции соприкосновение с её точкой “Джи” происходило самым восхитительным образом, так что не прошло и нескольких минут, как эти энергичные толчки стали заставлять её издавать стон с каждым покусанием на её слабое место, вынуждая выгибаться её позвоночник. Её ноги размякли в достаточной степени, и это ещё одна причина, по которой она была рада, что одна из её ног прижата к его груди. Он мог обхватить руками её вялую конечность и продолжать долбить её.

«ММн, ММ, ММнн, МНН! Нет-ААХН! Ты ха-ха-ММн, АХХ! Должен ... остановиться» – слабо вымолвила она в промежутке между стонами едва ли громче обычного шёпота, повторяя это наилучшим образом, каким только могла. Кому была польза от этого, она не могла сказать. Она не могла понять, почему его член так хорош, но вскоре ей стало всё равно. Она уже испортилась и стонала, выпрашивая большего. «Ммнн, ахн, ахн, аах, да! Даааааа!»

Слыша влажное “шлюп”, с каждым его погружением, “шлёп!” и с осознанием того, что это происходит из-за комбинации его несовершеннолетнего члена и её сочащейся киски, она восхищалась распутным наслаждением, которое она себе даже не представляла. Близкая к освобождению, она стала интенсивнее играть пальцем со своим набухшим клитором, становясь просторнее, так как разразиться с такой невыносимо заполненной бухтой это настоящее самоубийство. Наруто чувствовал, как её ребристые стенки засасывают его каждый раз, когда он пытается вытащить. Влажный жар был самым чудесным ощущением, которое он мог себе вообразить, однако то, что он испытывал, когда её тело желало его, было самой эротичной вещью на свете.

«Стой, стой, стой, стой, стой» – повторяла она, несмотря на то, что её руки ублажали её твёрдые соски и чувствительный клитор. Наруто был бы сбит с толку её словами, если бы её действия не говорили о чём-то другом, но он не смог бы остановить свой таз, даже если бы попытался. Удерживая её в этом положении, и долбя её гладкие налившиеся кровью стенки, он оказался зачарован этим и был не в состоянии делать ничего другого, кроме как наслаждаться собственным нарастающим блаженством.

«Я кончаю ... кончаю ... кончаю ... кончаю ...» – кричала Куренай, когда её огромная бухта удовольствия разразилась, а перед её глазами всё расплылось в игре сюрреалистичного беспорядка цветов и света. Всё её тело оказалось наводнено приступами электрического экстаза, когда пальцы её ног скручивались, а тугой таз и подтянутые бёдра совершали вращательные движения, посылая ручейки непрерывающегося удовольствия вверх по позвоночнику по направлению к её черепной коробке. На многие мгновения Куренай превратилась бы в ничто, если бы не накатывающие на неё волны гудящей эйфории. Её челюсти расслабились, когда она продолжала трубить в овал своих алых губ издавая тяжелые хриплые стоны, пока не почувствовала, что её таз полностью оторвался от влажных простыней, и это сбilo её с толку.

Наруто приподнял её за потное, мускулистое бедро, которое всё ещё оставалось обхваченным его руками, и засадил так глубоко, как только мог. Куренай обладала достаточным уровнем знаний, и поэтому задавалась вопросом, почему фаллос мальчика расширяется, пока не почувствовала, как кипящий мужской сок, заряд за зарядом, выстреливается глубоко в её детородное лоно. Она стала бледной, прочувствовав на себе такое массивное семяизвержение, когда его густая горячая сперма пыталась втиснуться в её дрожащий и разрывающийся принимающий туннель.

Через несколько мгновений она пришла в себя, и, к счастью, потный Узумаки-кун решил отдохнуть и лежал рядом с ней лицом вниз, он тяжело дышал, когда его лицо распростёрлось в огромной улыбке, что почти заставило её улыбнуться тому, как он выглядел ... почти, но недостаточно.

Она воспользовалась случаем, чтобы встать с кровати и отойти от него. Он не представлял угрозы, как на это не посмотри, однако Куренай была сама не своя, когда её тело было более чувствительным, чем когда-либо прежде. Её обычно сильные ноги: после долгой ночи приятных физических нагрузок – ослабли и дрожали, пытаясь удержать её вес. Когда она сделала шаг в сторону от кровати, большое, слишком большое количество густой спермы начало просачиваться из неё и стекать вниз по её ногам.

«Мне нужно принять душ» – смущённо прокряхтела она, бросаясь в ванную. Поворачивая кран с тёплой водой, она смутно заметила, как клейкий жемчужно-белый эякулят стекает рядом с её коленями. С нетерпением ожидая горячего душа, она дотронулась до воды, но обнаружила, что та всё ещё холодная. Сбитая с толку она попробовала включить холодную воду, однако это ни на что не повлияло. Предположив, что у него нет горячей воды, Куренай просто встала под то, что было, когда тепло, похоть и пульсации её чувствительного тела были неистово погашены. Это оказалось тем самым шоком, в котором она нуждалась, поскольку она почувствовала, как всё большее количество спермы стекает по её стройным ногам.

Куренай непреднамеренно проанализировала это огромное количество и пришла к выводу, что блондин, должно быть, кончил в неё несколько раз. Со знанием, что большинство взрослых мужчин эякулируют самое большее четыре-пять раз за день, она могла лишь предположить, что подростки намного более пылкие, и что эта их энергия восстанавливается быстрее, чем обычно. “Или, возможно, Узумаки уникален” – подумала она, вспоминая то распирающее ощущение, когда её буквально заткнули.

Анко упоминала, что встречалась с действительно уникальными сексуальными партнёрами, когда была в отпуске, либо на миссиях. Куренай слышала о всевозможных аномалиях от Анко: странные шишечки, подкожные имплантаты, три яичка, но действительно странным оказался тот, который справлял нужду своим эякулятом. Куренай вспоминала рассказ грудастой куноичи о том, как она обнаружила пухленького гражданского, который не являлся типичной целью для соблазнения, у него был врождённый дефект, и он имел сразу два члена. Анко была явно взбудоражена этим и фактически похитила его на самые длинные выходные разврата с двойным проникновением, которые вошли в её первую пятёрку. Анко была опечалена, узнав, что после опыта с ней у него развилась фобия к женщинам, которая полностью разрушила его способность возбуждаться при виде женщины.

Что касалось Узумаки, то он, кажется, способен разбухать у основания своего пениса в момент эякуляции, однако Куренай была уверена, что это случается не каждый раз. Красавица с волосами цвета воронова крыла слышала, что Узумаки также обладает очень высокой выносливостью. Интенсивные вспышки воспоминаний, лишь подтверждали истинность этого суждения, что вынуждало её краснеть, несмотря на ледяную воду, стекающую по её гудящему телу. Когда она мыла свои тёмные локоны, она то и дело качала своей головой из-за всяких вульгарных мыслей, посещавших её. Ничего из того, что произошло этой ночью, не должно было случиться, однако теперь, когда всё это стало реальностью, Куренай начала задумываться над этим новым затруднительным положением. Хотя одна её часть хотела просто погрязнуть в печали, она разделяла свои эмоции, как и любой другой хорошо обученный шиноби, и рассматривала все варианты как можно более рационально.

Куренай не может убить его. Если бы он не был так важен для деревни, то она бы поразмыслила над этим, однако являясь Джинчурики, он, к несчастью, должен был оставаться

в живых, а значит, у высокомерного блондина рот будет развязан. Он может проболтаться кому угодно, что потерял девственность с одной из самых желанных куноичи во всём Скрытом Листе.

При этом её репутация среди своих сверстников и гражданских лиц её деревни очень важна для неё, а мнение Хинаты-тян ещё важнее. Если Хината-тян когда-нибудь узнает, что её сенсей: человек, которому она должна доверить своё будущее – занималась сексом с любовью всей её молодой жизни, то это просто изничтожит её. Куренай даже представить себе не могла, что Хьюга с волосами цвета индиго когда-нибудь оправится после этого. Куренай должна убедиться, что Узумаки будет молчать. Что ещё важнее, Узумаки-кун жизненно необходим для её планов по поощрению и расширению возможностей Хинаты-тян.

“Как, чёрт возьми, этот мальчик стал настолько важной фигурой в моих планах?” – мысленно пожаловалась она. Как бы они ни боялась этого, вполне вероятно: особенно после того, что они сделали – что цена за оказание его помощи возрастёт. Она ненавидела столь рациональную оценку угроз, однако он всё ещё оставался переполненным гормонами мальчиком. Она не ожидала от него обилия самоконтроля. Он захочет большего. “Но смогу ли я расплатиться?”

<http://erolate.com/book/1099/27696>